

ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет

Управление обществом, в целом или поэлементно, предполагает три основных уровня понимания: теория, объясняющая общественную жизнь, идеология, обосновывающая политику, и технология реализации политики. До настоящего времени ощущается дефицит теоретического обоснования в выработке стратегии развития. Предлагается множество моделей, но они не выходят за рамки, с одной стороны, лозунговых деклараций, а с другой – управленческих экономических и политических технологий. Для достижения чьих-либо личных амбициозных устремлений этого достаточно, но если речь вести об общенациональных интересах, то, в первую очередь нужна общая идеология, включающая в себя определение самих себя, своих целей, необходимых средств и возможностей. Здесь без теории не обойтись. В противном случае все сведется к банальному волюнтаризму. Разумеется, было бы неверно утверждать, что отсутствие социальной теории тормозит социальную практику. Реальная жизнь протекает не по теоретическим канонам, подобно армейской, регулируемой параграфами воинского устава. В конкретной деятельности, столкновении интересов теория востребована меньше всего. Тем не менее люди, которые творят эту самую жизнь, должны владеть теорией и не действовать вопреки законам объективной реальности, не пытаться, по аналогии с инженерной деятельностью, изобрести вечный двигатель.

Различного рода экспертные аналитические выступления по поводу тех или иных социальных событий обычно представляют собой формулировки проблем, исторические аналогии, прогнозные сценарии, сопровождаются диаграммами, графиками, таблицами и другой информацией, но, как правило, не опираются на теоретическое объяснение, не вскрывают сущность, а остаются на уровне явления. Однако необходимо именно объяснение, вытекающее из фундаментального социологического закона.

В основе социального познания, в том числе исследования конкретных социальных объектов (исторических общностей), лежат две аксиомы, представляющие собой два противоположных ответа на вопрос “может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов?”

Положительный ответ привычен, но он не позволяет объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий. Отрицательный ответ еще не получил достаточного распространения, но методологически он более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна бóльшая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе, масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

В соответствии с выбранной исходной посылкой, являющейся методологической базой социального исследования, строится целостная социально-теоретическая модель общества.

Отношение “цель–средство” является фундаментальным социальным отношением, исторические формы отъема чужого жизненного ресурса меняются. Современность в этом плане характеризуется тем, что данное отношение реализуется за счет разницы уровней материально-технического развития. Здесь действует не просто разделение труда в общей системе производства, а неэквивалентный обмен результатами деятельности. В отношениях между странами происходит то же, что и между индивидами.

Объективной заданности человеческого способа жизни нет. Люди живут по-разному. Всеобщий критерий один – выживание. Показателем выживания является объем жизни: для индивида – продолжительность и наполненность содержания, для общности – добавляется численность населения. В целом получаем совокупный объем жизни, заключенный в общности, полученный в результате умножения содержательной наполненности жизни на ее продолжительность и численность населения. В человеческом стремлении к выживанию ни один из показателей не имеет пределов. В ходе цивилизационного развития объем человеческой жизни увеличивается по всем показателям, но ни на одном из этапов не достигает уровня всеобщего выживания в его конкретно-исторически возможном выражении. Соответственно, объем жизни распределяется неравномерно по всем показателям – от предельной концентрации в одних людях до абсолютного дефицита в других. Объективного оптимума в распределении жизни нет, есть только бескомпромиссная борьба за выживание. Социальные

системы характеризуются конкретным раскладом интересов. Борьба внутри групп и между группами. Группы людей, находящиеся у власти и собственности, не могут обеспечить всеобщее выживание общности. Значит, задача управления общностью в выработке пропорций. Всегда сохранение старого и поиск нового (новых комбинаций).

В постоянно меняющемся ряду лозунговых приоритетов российской жизни сейчас наиболее заметны на первый взгляд кажущиеся альтернативными консерватизм и модернизация. Однако, если учесть, что консерватизм обозначается как социальный, а модернизация, в конечном счете оказывается технологической, то вместе они могут составить целостную идеологию.

В ходе общественного развития возникают новые средства поддержания жизни, формируется новый способ жизни. Возможно возникновение противоречия между старым и новым. Так появляется консерватизм, который может иметь как положительный, так и отрицательный характер.

Лозунговое обращение к социальному консерватизму как модели социального развития предполагает определенность видения его содержания и назначения, в противном случае он не может быть предметом призыва. По своему содержанию современный российский социальный консерватизм представляет собой идеологию сохранения определенного набора ценностей и норм общественной жизни России советского образца: доступное образование; доступная медицина; доступное жилье; обеспеченная старость; коллективизм при свободном развитии личности, т.е. при отсутствии антагонизма между личным и общественным, но при допущении и готовности к жертвенности личного в пользу общественного (гуманизм и патриотизм); справедливость власти (совпадение справедливости и законности); сочетание свободы и ответственности, порядка, дисциплины; гуманистическое наполнение культуры и др. Примечательно то, что многие из этих призываемых к сохранению норм и ценностей никогда не были реализованы на практике в полной мере, но всегда были целевыми ориентирами в организации российской социальной жизни.

Социальный консерватизм в обобщенном виде означает курс на сохранение общности как таковой. Отдельные составляющие консерватизма – сохранение культуры (например, языка), ценностей (например, семьи), форм политики, религии, национальных праздников и т. п. Консерватизм не тождественен простой консервации, вызывающей загнивание, сохраняться

может только развивающаяся, а значит, реформируемая, модернизируемая общность. Следовательно, консерватизм не абсолютен, а относителен, конструктивен. Отстаиваемые элементы общности когда-то при своем возникновении сами были новыми. В этом смысле социальный консерватизм можно рассматривать как стремление к преобразованиям без социального риска, как защиту от социального риска, который объективно несет в себе новация, а не абсолютное отторжение новации. Консерватизм не перекрывает инновационный процесс, но тестирует его и ищет средства защиты от отрицательных следствий.

Социальный консерватизм предполагает сохранение исторически сложившихся общепринятых в данной общности представлений о предпочтительном способе жизни. В царской России консерватизм имел в основном социально-политическое содержание и ориентировал на сохранение сословных устоев общественной жизни, поддержание социального спокойствия. В послереволюционной России, Советском Союзе, был провозглашен курс на обеспечение народного благополучия как начального и промежуточного состояния на пути к будущему коммунистическому обществу. Сначала он имел подчиненное значение перед лозунгами мировой революции и приоритетами индустриальных и аграрных преобразований СССР, однако занял центральное место во внутренней политике после Великой Отечественной войны, вытеснив в область абстрактно-теоретических конструкций конечно-целевую модель коммунизма. В современной послереформенной России консерватизм характеризуется соединением лозунгов социально-политической стабильности и жизненного благополучия людей. До уровня благополучия сырьевых монополистов Востока ей не дотянуть по причине недостаточной концентрации природных богатств, а западные лидеры слишком далеко вырвались вперед технологически.

Запад знает две модели общества – традиционное и современное. Последнее – это общество равных (людей, регионов, партий, религиозных конфессий и т. д.). В России к современному обществу призывают либералы (западники). Централисты (славянофилы) в публичных речах призывают к тому же, но объективно (и справедливо) направляют к сохранению традиционного общества. Здесь России нечего изобретать. Перед ней стоит задача превращения в современную великую державу, экономически независимую, в научно-техническом и технологическом отношении передовую, социально гармоничную, военно-политически влиятельную. Для

этого необходимы: деловая и социальная активность большинства населения, направленная на выполнение общественно значимых задач; целевое единство социального действия, преобладающее над внутренней конкуренцией и борьбой на взаимоуничтожение и обеспечивающее тем самым устойчивость существования России, ее целостность, гарантированное выживание в окружающем мире. Так называемое социальное партнерство означает именно целевое единство социального действия, подобное единству пассажиров поезда, состоящему, независимо от класса вагона, в том, чтобы всем вовремя и благополучно доехать до места назначения, которое у каждого пассажира свое.

В отличие от России, в развитых западных странах современный консерватизм провозглашает приоритет демократических свобод, являющихся в рамках внутренней жизни традицией, символизирующей устойчивость определенного способа жизни, а в сфере внешнеполитической – средством обеспечения собственного господствующего положения. В странах, условно называемых развивающимися, благополучие не является ни предметом действующей политики, ни идеологической категорией массового сознания. Применительно к этим странам вопрос о благополучии не ставится даже теоретически.

Смысл нынешней борьбы вокруг социальных реформ (социального обеспечения) состоит в том, чтобы сбросить с государства социальную сферу, иначе возникает противоречие между уходом государства из экономики и его зависанием в социальной сфере. Последняя базируется не на благотворительности, а на принудительности (через налоги). Там, где люди могут обеспечить свою жизнь на базе собственности, не нужны ни социальная сфера, ни благотворительность, впрочем, там нет и противоречия между социальностью и либеральностью, поскольку либо достигается высокая социальность через большие налоги, либо реализуется полная свобода выживания на базе собственности при низком налоге. Итогом технологической модернизации России должен стать ее переход на путь инновационного развития, а результатом политики социального консерватизма – возрождение культа труда, но не средневекового, подневольного и малопродуктивного, а воплощающего в себе высокоразвитый технологический способ производства.

Однако можно сколько угодно рассуждать о модернизации, но важно помнить, что социальную дифференциацию не устранить, фундаментальное социальное отношение “цель–средство” не преодолеть, а потому надо

избежать утопичности и идеологического мифотворчества. Иначе говоря, требуется четко определиться с социальной целью модернизации, т.е. с предполагаемой моделью общества.